

Альбом всех лучших видов Крыма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А56

А56 Альбом всех лучших видов Крыма / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 160 с.

ISBN 978-5-458-06677-8

ISBN 978-5-458-06677-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АЛЬБОМЪ
ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ ВИДОВЪ

Ж Р Ы М А

26 ГРАВЮРЪ НА СТАЛИ СЪ ТЕКСТОМЪ.

ОДЕССА
ИЗДАНИЕ ЭМИЛЯ БЕРНДТА.
1869.

рымъ, въ древности *Таорида*, или *Херсонесъ Таорическій*, съ давнихъ временъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе путешественниковъ своими историческими воспоминаніями, остатками древностей, которыя сохраняются въ немъ до сегодня, и очаровательною прелестью своей природы.

Крымъ образуетъ изъ себя полуостровъ, извѣстный теперь подъ именемъ *Таорическаго* или *Крымскаго*, который соединяется съ материкомъ Европы посредствомъ узкаго *Перекопскаго* перешейка. Перешеекъ этотъ, по словамъ ученыхъ и по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ писателей, не существовалъ въ глубокой древности, и въ Крымъ нельзя было попасть иначе, какъ вѣривъ себя бурнымъ волнамъ Чернаго моря, которое поэтому и потому еще, вѣроятно, что на берегу его жили дикіе, кровожадные народы, и названо было древними греками „негостепріимнымъ“ — *Понтосъ Аксеносъ*. Но втеченіе вѣковъ, вслѣдствіе дѣйствія различныхъ силъ природы, вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ, пониженія моря и т. п., сдѣлалось то, что Крымъ соединился съ твердою землею названнымъ выше узкимъ перешейкомъ.

Съ запада и съ юга живописные берега Крыма продолжаютъ купаться и теперь въ Черномъ морѣ; съ востока его омываетъ неглубокій Керченскій проливъ (въ древности *Босфоръ Кимерійскій*) и Азовское море (древн. *Palus Meotides*); съ сѣвера границею ему служитъ узкій Перекопскій перешеекъ, называемый татарами *Оръ-Болатъ*; ширина его отъ 5 до 7 верстѣ. Въ древности онъ былъ переконанъ глубокимъ рвомъ и защищенъ стѣною; на немъ было устроено укрѣпленіе, называвшееся у Татаръ *Оръ-Канъ*.

Почти три части Крыма покрыты обширною равниною степей, и только оставшая часть полуострова гориста. Крымскія степи какъ бы окаймлены горами съ югозапада и юговостока.

Вся цѣпь Таврическихъ горъ (татары называютъ ее *Яйлюю*) простирается отъ Балаклавы до Феодосіи, на 150 или 175 верстѣ; ширина ея различна по причинѣ отроговъ, идущихъ отъ нея по обѣимъ сторонамъ, т. е. отъ юга на сѣверъ. Самая возвышенная часть Яйлы тянется вдоль южнаго берега моря, спускаясь съ одной стороны къ западу, у Балаклавы, а съ другой у Феодосіи.

Отъ нея отдѣляются, — вѣроятно оторванныя геологическими переворотами, — значительныя возвышенности, оставивъ въ промежуткахъ глубокіе овраги, а иногда и настоящіе кратеры, какъ напр. *Кастель гора*, *Аюдагъ*, *Никита-бурунъ* и пр.

Поверхность Яйлы совершенно обнажена, не видно ни дерева, ни кустарника; она представляетъ обширныя плоскости, покрытыя густой, но невысокой травой и множествомъ цвѣтовъ сѣверной флоры: крупныя незабудки, этотъ прелестный сѣверный цвѣтокъ, растущій только у болотъ и ручьевъ, покрываетъ на вершинахъ Яйлы огромныя пространства, между тѣмъ какъ тамъ нѣтъ ни одного ручья. Пастухи, выгоняющіе сюда стада свои, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, пьютъ снѣговую воду (снѣгъ они собираютъ въ глубокихъ ямахъ и ущельяхъ, гдѣ онъ остается все лѣто); стада поятъ изъ лужъ, гдѣ собирается дождевая вода. Безпрерывные туманы, частые дожди сохраняютъ на Яйлѣ влагу въ почвѣ въ самое жаркое время года. Холодные восточные вѣтры, дующіе почти постоянно на этихъ высокихъ мѣстностяхъ, заставляютъ пастуховъ одѣваться ночью въ шубы, да и днемъ не позволяютъ имъ легко одѣваться.

На югъ къ морю, Яйла спускается почти отвѣсными скалами и уступами, чрезвычайно разнообразныхъ формъ и очертаній. Самую возвышенною точкою Яйлы считаютъ гору *Чатырь-дагъ* (русскіе называютъ ее *Палатъ-гора*; татарское *чатырь* значитъ *шатеръ*, а *дагъ* — *гора*; древніе же называли Чатырь-дагъ *Транезосъ*). Возвышаясь на 5, 136 ф. надъ уровнемъ моря, Чатырь-дагъ видѣется вереть за 80 почти со всѣхъ пунктовъ полуострова. Шатеръ его служитъ крымскимъ жителямъ своего рода барометромъ: если онъ скрытъ въ тучахъ, говорятъ, слѣдуетъ ожидать дождя, и наоборотъ. Видъ, открывающійся съ вершины Чатырь-дага, — удивительный. Съ сѣвера видѣется Симферополь и вся роскошно-зеленая Салгирская долина, и далѣе простирается цѣлое море степей, которыя тянутся на необозримое пространство; къ западу отъ Чатырь-дага идутъ лѣса и горы, поднимающіяся то въ видѣ какаго либо древняго замка или башни, то подобно крѣпостнымъ стѣнамъ, то нагроможденныя одна на другую въ видѣ пирамидъ; съ юга красуется Алушта, съ ея прелестною долиной, соседнія татарскія деревни и море — синее, далекое, искрящееся на солнцѣ; съ востока опять горы, утесы и между ними видѣется въ синей дали самой оригинальной формы гора — *Демерджи*. Въ очень ясную погоду, когда воздухъ особенно прозраченъ, можно видѣть узкую полосу Сиваша.

Южная сторона Яйлы подымается на 4 и 5 т. фут. надъ уровнемъ моря обнаженными и безлѣсными скалами, изъ расщелинъ которыхъ часто вытекаютъ источники, падая каскадами съ высоты нѣсколькихъ саженей. Растительность на склонахъ горъ начинается только съ 3,000 ф. высоты; тутъ попадаются прекрасныя сосновые лѣса, растущіе по крутымъ обрывамъ, ниже — дубъ, грабъ, часто букъ, вязъ, липа, арбутусъ, краса крымскихъ лѣсовъ, можжевельникъ, рябина и др. На полянахъ встрѣчается много одичалыхъ фруктовыхъ деревьевъ и одичалый виноградъ. Виноградъ этотъ, вмѣстѣ съ плющемъ, ломоносомъ и дикой розой составляютъ крымскія лѣаны, которыя обвиваютъ цѣлыя скалы, взбѣгаютъ на деревья и своими разнообразными цвѣтами придаютъ особенную прелесть крымскимъ лѣсамъ, распространяя въ глубинѣ ихъ свѣжій, здоровый и пріятный запахъ во время цвѣтенія. Весною на дугахъ и въ долинахъ пестрѣютъ бѣлыя, желтыя и розовыя примулы, синіе гіацинты, блестятъ голубыя глазки вероники, синѣютъ душистыя фиалки и множество другихъ цвѣтовъ горной флоры.

По берегу моря, на всемъ протяженіи отъ Балаклавы до Феодосіи, разбросано много татарскихъ деревень которыя лѣнятся по уступамъ скаль; всѣ онѣ окружены садами, табачными плантаціями, пахатными дугами. Много встрѣчается и хорошенскихъ домиковъ садовладѣльцевъ, уютно скрывающихся въ тѣни кипарисовъ и вѣчно-зеленыхъ кустовъ лавра, рамнусовъ, фотиній и др. Особенно мимозы придаютъ много прелести этимъ садамъ. Отъ окрестностей Ялты начинается рядъ великолѣпныхъ, богатыхъ южнобережскихъ дачъ, принадлежащихъ вельможамъ и богачамъ, гдѣ красуется нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ, множество красивыхъ сельскихъ домиковъ, родъ англійскихъ *котиджей* и гдѣ разведено много очаровательныхъ садовъ и богатыхъ виноградныхъ плантацій.

Большая почтовая дорога вьется отъ Алушты до Севастополя то подымаясь, то опускаясь по скатамъ горъ. Синее, прозрачное море, тихо плещущее лѣтомъ и страшно-бурливое и ужасное зимою, составляетъ главную прелесть южнаго берега Крыма.

Климатъ здѣсь весьма непостояненъ; лѣто вообще жаркое; солнце раскаляетъ до того землю, что она трескается. Рѣчки высыхаютъ, трава желтѣетъ, выгораетъ до корня. Зной былъ бы невыносимъ, еслибы свѣжій морской вѣтерокъ не освѣжалъ атмосферы; дожди лѣтомъ рѣдко идутъ; осень самое пріятное время года въ горахъ и на южномъ берегу; тутъ растительность какъ бы оживаетъ послѣ знойныхъ лѣтнихъ дней, все вновь цвѣтеть и зеленѣетъ; погода чудная, не жаркая, не холодная; такъ стоитъ до половины ноября; но иногда въ январѣ и въ февралѣ бываютъ совершенно теплые и свѣтлые дни и розы не перестаютъ цвѣсть. Суровой зимы въ горной части Крыма не бываетъ.

Съ сѣверной стороны цѣпь Яйлы, съ своими отрогами, составляетъ какъ бы вторую цѣпь горъ, паралельную первой; она возвышается до 3 т. ф. высоты. Горы, идущіе отъ этой второй цѣпи, постепенно понижаются и совершенно сглаживаются за Симферополемъ, гдѣ начинаются крымскія степи. На возвышенныхъ отрогахъ здѣсь растутъ также превосходные лѣса: букъ, дубъ, грабъ, тисъ и даже береза. Лѣса эти подымаются часто по страшнымъ крутизнамъ и спускаются въ глубокіе овраги, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ главныя рѣчки Крыма: *Салиръ*, впадающій въ Сивашъ, *Белбекъ*, *Кача*, *Алма*, *Буманакъ*, впадающіи въ Черное море. — Здѣсь, въ тѣни лѣсовъ, на мягкой лиственной

почвѣ, растутъ красивые папоротники и множество земляники. По долинамъ, отличающимся необыкновенно красивыми пейзажами, разбросано много татарскихъ деревень; по скаламъ видѣются остатки древнихъ крѣпостей, башенъ, полуразрушенныхъ стѣнъ. Во многихъ скалахъ изсѣчены пещеры или *крипты*, — жилища существовавшихъ нѣкогда въ Крыму троглодитовъ.

Такова общая картина природы горной части и прелестнаго во всѣхъ отношеніяхъ южнаго берега Крыма. Степная природа Крыма составляетъ совершенную противоположность природѣ горной части полуострова. Безжизненные, пустынные степи оживляются только весной; согрѣтыя солнцемъ, еще влажныя отъ только что стаявшихъ снѣговъ, степи покрываются въ это время года пестрымъ ковромъ самыхъ красивыхъ и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: необозримыя поля тюльпановъ, анемоновъ, ирисовъ, гіацинтовъ ярко свѣтлѣютъ на солнцѣ; птицы вылетаютъ въ воздухъ, въ травѣ копошится цѣлый міръ личинокъ, жучковъ, букашекъ, порхаютъ миріяды ярkokрылыхъ бабочекъ, разнообразія до чрезвычайности и оживляя эту пестроту полей. Но только начнутся жары, только заиграютъ въ цвѣтахъ налягшіе лучи солнца, — и вся растительность степей и все живое какъ будто замираетъ; душистыя и пестрыя поля цвѣтовъ превращаются въ сѣрыя, пыльные равнины, съ обгорѣлою и засохшею травою и жадно просятъ дождя и всеоживляющей грозы, къ сожалѣнію, бывающей въ степяхъ такъ рѣдко лѣтомъ. Стаи мелкихъ пѣвучихъ птицъ улетаютъ и остаются только крикливые хищники, медленно парящіе въ раскаленной атмосферѣ, да суслики выпрыгиваютъ изъ своихъ норокъ, любопытно поглядываютъ по сторонамъ и, ставъ на заднія лапки, испускаютъ пронзительный свистъ по степи. Зимомъ картина степей еще печальнѣе: наносятся сугробы снѣга, буннуютъ мятели, выюги, небо какого то свинцоваго цвѣта; мрачныя, тяжелыя тучи низко носятся надъ землей, быстро гонимыя вѣтромъ; ни жилья, ни дерева, ничего живаго не видно вокругъ; снѣгъ да мрачное небо. И положеніе путника, застигнутаго въ зимнюю пору бурей въ степяхъ, — самое безотрадное и ужасное.

Но не всегда эти степи были такъ пустыни и безжизненны. Съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, много народовъ прошло по нимъ, много крови человѣческой обагрило ихъ и много мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ, втеченіе вѣковъ, легло здѣсь и удобрило почву этихъ пустынныхъ теперь и безжизненныхъ степей.

Крымскія степи, вмѣстѣ съ степями всего юга Россіи, составляютъ, можно сказать, продолженіе того великаго степнаго пространства, которое изъ глубины Азіи врывается въ Европу. Такъ точно и сами первобытные народы и обитатели Крыма пришли сюда также изъ глубины Азіи. Все степное пространство южнаго юга Россіи, къ которому примыкаютъ и крымскія степи, у древнихъ было извѣстно подъ общимъ именемъ *Скиѳіи*, а собственно Крымъ у писателей древности слылъ подъ именемъ *Тавроскиѳіи*. „Отецъ исторіи“, Геродотъ, за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, первый подробно описываетъ обитателей этихъ степей, *Скиѳовъ*, и обитателей горной части Крыма, *Тавровъ*. Онъ передаетъ намъ вмѣстѣ съ многими положительными и весьма интересными свѣдѣніями объ образѣ жизни, нравахъ и проч. этихъ народовъ и много баснословныхъ о нихъ разсказовъ, которые вѣроятно были распространены между тогдашними греками.

Геродотъ, а за нимъ и другіе древніе писатели говорятъ, что первые обитатели Крыма, *Тавры*, отъ которыхъ и страна получила названіе *Тавриды*, были народъ дикій, жестокой, поклонившійся дѣвъ-богинѣ, столь-же жестокой какъ и онъ-самъ. Ужасна была участь греческихъ мореходцевъ, застигнутыхъ бурей у береговъ Чернаго моря; вмѣсто спасенія, котораго они искали въ виду очаровательныхъ береговъ Тавриды, спѣша къ ея тѣнистымъ лѣсамъ и прозрачнымъ водамъ, они здѣсь находили мучительную смерть; ихъ схватывали, приводили въ храмъ богини, обезглавливали острыми мечами и трепещущее тѣло, съ высокой скалы, сбрасывали въ море; голову жертвы Тавры втыгали на шесть, укрѣпленный надъ ихъ жилищами, гдѣ эти кровавые трофеи служили имъ вмѣсто домашнихъ пенатовъ.

Поклоненіе Тавровъ дѣвъ-богини, хотя жестокой и кровожадной, допускаетъ предположеніе, что народъ этотъ, — вѣроятно въ честь своей дѣвы богини, — былъ вообще очень милостивъ къ прекрасному полу. И древніе греки, надо думать, знали объ этомъ; иначе Ифигенія, спасаясь во время троянской войны отъ преслѣдованія столь же

жестокой богини своей родины, не могла бы надѣяться найти убѣжище и даже почетъ у кровожадныхъ Тавровъ, среди которыхъ она сдѣлалась жрицею и имѣла возможность, такимъ образомъ, спасти своего брата Ореста и его друга Пилада отъ ужасной смерти, ожидавшей ихъ у Тавровъ. Эта-то трагическая исторія объ Ифигеніи, разыгравшаяся на берегахъ нынѣшней Тавриды и воспитанная греческимъ трагикомъ Эврипидомъ, послужила сюжетомъ для извѣстныхъ трагедій двухъ знаменитыхъ поэтовъ новаго времени — Расина и Гёте.

Но еще за долго до Троянской войны, вѣроятно вслѣдствіе того же уваженія Тавровъ къ женщинамъ, между ними поселилось какъ рассказываютъ нѣкоторые древніе писатели, вышедшее изъ Азіи племя баснословныхъ и грозныхъ *амазонокъ*, которыя до того ненавидѣли мужчинъ, что, подобно Таврамъ, приносили ихъ въ жертву своей богинѣ, *Діанѣ Таврополитанской*. Амазонки имѣли въ Тавридѣ храмы, построенные въ честь этой богини, въ которыхъ не было жрецовъ, а однѣ только жрицы.

Объ кровожадныхъ богини Тавриды не избавили, однако, ее отъ нашествія народовъ — хотя не столько жестокихъ, какъ ея обитатели, но столько же воинственныхъ и гораздо болѣе ихъ многочисленныхъ. *Скивы* нахлынули на Тавриду и, завладѣвъ ея степями, заставили Тавровъ искать спасенія въ горахъ. Сохраняющіяся до сихъ поръ изрытыя въ крымскихъ горахъ пещеры, или крипты нѣкоторыми новѣйшими писателями считаются за жилища древнихъ Тавровъ.

Въ VI вѣкѣ до Р. X. Персы, подъ предводительствомъ Дарія, вошли въ Скивію. Въ войскахъ ихъ, во время этаго неудачнаго похода, находилось, какъ извѣстно, много Грековъ. Познакомившись хорошо съ берегами Тавриды, эти Греки вознамѣрились устроить тутъ свои колоніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, во время возстанія Грековъ противъ персидскаго царя, нѣкоторые изъ нихъ, родомъ изъ Милета, пришли въ Тавриду и поселились здѣсь, въ мѣстахъ, которыя казались имъ болѣе удобными для торговли, — по свойственному древнимъ Грекамъ духу торговой дѣятельности. Выборъ ихъ палъ впервые на Керченскій полуостровъ и смежныя съ нимъ мѣстности, отличавшіяся необыкновеннымъ плодородіемъ. Враждуя вначалѣ постоянно то съ Скивами, то съ Таврами, то съ

другими ордами дикихъ народовъ, часто нападавшихъ на Крымъ, Греки-милетцы успѣли однако, основать въ Тавридѣ знаменитые впоследствіи портовые города: *Пантикапею*, *Феодосію*, *Мирмикіонъ*, *Нимфеонъ* и другіе, славившіеся своею необыкновенною торговою дѣятельностью и богатствомъ жителей, отъ которыхъ можно судить по найденнымъ и находимымъ еще и теперь, на мѣстахъ этихъ городовъ, богатымъ остаткамъ древности.

Необыкновенно быстрое возрастаніе и успѣхъ новыхъ колоній, сдѣлавшихся складочными мѣстами для торговли Эллиновъ съ тѣми народами, которыхъ они называли варварами, вызвали въ Крымъ и другихъ греческихъ переселенцевъ. Явились выходцы изъ Иракліи и выбрали для поселенія небольшой полуостровъ, на западномъ берегу Крыма (получившій съ тѣхъ поръ у древнихъ географовъ названіе *Ираклійскаго* или *Трахеійскаго* — каменистаго — или *Херсонесскаго* полуострова). Основанная здѣсь этими новыми греческими выходцами колонія, *Херсонесъ*, скоро превратилась, по своему богатству и торговлѣ, въ славную греческую республику на берегахъ Тавриды.

Впоследствіи, распространяя все далѣе и далѣе свои владѣнія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, Греки заняли въ Тавридѣ почти всѣ удобныя для торговли мѣстности и основали еще много другихъ городовъ, какъ напр. *Авинеонъ* (*вотлѣдствіи Судайя*, нынѣ *Судакъ*), *Лампасъ* (на мѣстѣ нын. татарскихъ дер. *Курчукъ* и *Буюкъ Ламбатъ*), *Партъ нитъ*, *Симеолонъ* и проч. Изъ этихъ городовъ греки, по всей вѣроятности, вытѣснили Тавровъ, а потомъ Тавроскиновъ, — когда эти два народа слились въ одно.

Сосѣдство просвѣщенныхъ Эллиновъ и постоянныя съ ними сношенія имѣли, конечно, благотворное вліяніе на дикихъ Скивовъ, которые также начали строить во внутренности полуострова укрѣпленные города и жить на манеръ Грековъ, выбивать монету, находимую еще и понынѣ съ именами скинскихъ царей и пр. Изъ кочующихъ варваровъ, какими ихъ знали Греки, Скивы становились народомъ менѣе варварскимъ, дѣлались осѣдлыми и мало по малу сливаясь съ Греками, приобщались къ Эллинской цивилизаціи.

Поселеніе Грековъ-милетцевъ, основанныя на берегу Босфора Кимерійскаго, или Керченскаго пролива и по берегамъ Азовскаго моря, образовали изъ себя союзную республику, столицей которой была *Пантикапея*,